

Вопросы философии. 2018. № 7. С. 207–217

Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола»)

А.А. Сыродеева

В Институте философии РАН 1 марта 2018 г. состоялся «круглый стол» «Философия и идеология: иллюзия деидеологизации», ставший продолжением работы над проблемами, поднятыми в ходе серии заседаний общеинститутского семинара. Общий замысел обсуждения состоял в том, чтобы представить междисциплинарный диапазон концептуальных и методологических подходов по преодолению узко политического понимания идеологии. В современном мире идеология срастается далеко не только с философией, но и с экономикой, наукой, образованием, искусством, средствами коммуникации, поэтому к участию в «круглом столе» были привлечены специалисты из разных социогуманитарных областей. Они осмысливали историю функционирования идеологии и нынешние формы ее влияния. Дискуссия показала, что подвижность и многоликость идеологии хорошо согласуется с возрастающей динамичностью современной общественной реальности. А потому важно объединение исследовательских усилий представителей разных областей знания в работе «на опережение» процессов превращения идеологии сравнительно понятной и открытой для возможного взаимодействия в исключительно репрессивную.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология, сознание, критика, политика, власть, репрессивность, деидеологизация, толерантность, проектная деятельность, наука, история, консерватизм, либерализм, свобода.

СЫРОДЕЕВА Ася Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

h.puck@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26 марта 2018 г.

Цитирование: *Сыродеева А.А.* Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») // *Вопросы философии. 2018. № 7. С. 207–217.*

Идеология и ее роль в современном обществе – одна из актуальных тем современной философии – стала предметом обсуждения на «круглом столе» Института философии РАН. Вопросы, предложенные для обсуждения на «круглом столе»: 1) Понятие «идеология» и его историко-философские и методологические интерпретации; 2) Соотношение идеологии и философии: проблема демаркации; 3) Идеология в современной России; 4) Историческое сознание и идеология. Цель обсуждения, как подчеркнул руководитель проекта и модератор «круглого стола» А.А. Гусейнов, состояла не столько в том, чтобы прийти к окончательному консенсусу и дать окончательные ответы на поставленные вопросы, сколько в том, чтобы выявить более широкий спектр позиций во всем их разнообразии и противоречиях. Этим во многом и был обусловлен состав участников «круглого стола», специализирующихся не только на собственно философских аспектах проблемы. Участники продемонстрировали, сколь сложными и во многом амбивалентными являются отношения между философией и идеологией. В начале слово было предоставлено Э.Ю. Соловьеву, В.М. Меж-

уеву и А.В. Рубцову. Их концепции [Соловьев 2016; Соловьев 2017; Межуев 2017; Рубцов 2018^а; Рубцов 2018^б] обсуждались в ходе серии общеинститутских семинаров, проведенных в 2016–2017 гг. Институтом философии РАН.

Э.Ю. Соловьев сосредоточил внимание на определении идеологии как ложного сознания («ложного» прежде всего в своих проектах, прорицаниях и инвективах). Он показал, что определение это было найдено Марксом и Энгельсом, а затем стало прочным достоянием классики политической культуры. Идеология, понимаемая как ложное сознание, всегда уже находится в поле нравственных суждений и оценок, в основании которых лежит непреложный тезис: общественное благо не должно строиться на обмане и не оправдывает обмана. В теме ложного сознания он полагает необходимым акцентировать проблематику обмана, в теме обмана – проблематику иллюзий, в теме иллюзий – проблематику самообмана. Наконец, критику анализируя бытующие в обществе самообманы, он ставит во главу угла завышенные романтико-утопические ожидания в отношении процесса деидеологизации. Далее Э.Ю. Соловьев остановил внимание на видах самообмана. Самые стойкие из них – стихийно складывающиеся объективные видимости, миражные социальные образования, которые рациональная критика не может разрушать и отбрасывать подобно надуманным (прежде всего псевдонаучным) идейным построениям. Доктринально укомплектованные идеологии (а затем и целенаправленные пропагандистские практики) жидутся на стойких объективных видимостях и все более расчетливо их эксплуатируют. Именно поэтому Э.Ю. Соловьев предлагает отказаться, во-первых, от установки на полную концептуальную дискредитацию, отмену или замену влиятельных идеологий, а во-вторых, от надежды на то, что идеологии распадутся и гибнут вместе со сломленной политической системой, которую они обслуживали. Борьба с «отменой идеологий» как утопическим «модернистским проектом» (А.В. Рубцов) была начата Марксом. В третьем томе «Капитала» он эскизно обрисовал понятие «сознания, встроенного в бытие», и понятие «превращенных форм» (речь шла одновременно о превратности сознания и превратности бытия). Э.Ю. Соловьев полагает, что понятия эти сегодня ничуть не менее значимы, чем в последней трети XIX в., они могли бы служить философским категориальным ориентиром при разработке интереснейшей социальной проблематики, которая в публикациях А.В. Рубцова обозначена терминами «теневая идеология» (вспомним о «теневой экономике»), «латентная», «диффузная, или проникающая идеология».

Теория идеологий, считает Э.Ю. Соловьев, нуждается в строгом различении непримиримости и нетерпимости, терпимости и вседозволенности. Серьезную помощь в понимании этой важной демаркации оказывает историко-философское исследование. Культура толерантности сдерживает и лимитирует психологически оправданное движение от непримиримости к нетерпимости. Такова она уже от начала, с момента своего исторического рождения. Во второй половине XVI – начале XVII столетия замечательные представители западноевропейской религиозной реформации, названные впоследствии «апостолами веротерпимости», обосновали и продемонстрировали, что наивысшая сдержанность и корректное дискуссионное упорство отличают как раз самых бескомпромиссных и непреклонных участников идейной полемики. *Терпимость как добродетель непримиримых* – таков был удивительный культурно-исторический феномен, предъявленный миру (это знаменательно!) в эпоху беспощадных, цивилизационно разрушительных религиозных войн. Не пристало ли вспомнить об этом сегодня, когда обоюдная непримиримость все чаще толкает к полемическому беспределу и скандалам на подиуме?

Ключевую задачу дискуссии В.М. Межуев видит в поиске ответа на вопрос: что следует рассматривать в качестве альтернативы идеологии? Даже если принять определение Э.Ю. Соловьева, который считает вслед за Марксом, что идеология в любом случае есть ложное сознание, то в какой мере это относится к идеологии либерализма, социал-демократии, социализма и коммунизма, консерватизма и пр.? Считать их все ложными идеологиями? Но что тогда им можно противопоставить? Напомнив, что радикальным критиком идеологии был Маркс, противопоставивший им всем

научное знание, докладчик подчеркнул, что такой наукой для Маркса была не философия, в том числе и философия истории, а научная теория истории, требующая материалистического понимания. И коммунизм для него не идеология, а научная теория реально происходящего пролетарского движения. Следовательно, остается неясным, какую философию взамен идеологии предлагают оппоненты В.М. Межуева, который полагает, что наука способна критически оценить ту или иную идеологию, продемонстрировать ее односторонность, ограниченность, предвзятость, социальную ангажированность, но не может вообще отменить идеологию, заменить ее собой. Вопросы, которые ставит идеология и на которые пытается ответить, решаются не теоретически, а практически, в результате установления определенного типа практики. Только практика может подтвердить истинность или ложность идеологии и только в ней она находит свое окончательное завершение или преодоление. А это значит, если следовать рассуждению В.М. Межуева, что следовало бы противопоставлять идеологии не философию и даже не науку, а тот тип практики, который делает излишней, ненужной любую идеологию. Но, видимо, до такой практики еще очень далеко и говорить сегодня о преодолении идеологии явно преждевременно.

А.В. Рубцов проанализировал формы существования идеологии в постсоветской России. Он подчеркнул, что при явной усталости от засилья идеологии в СССР деидеологизация 1990-х была во многом поверхностной. Попытки реконструкции подобия советского идеологического официоза порождают ведомственные казусы и скорее вредят власти. Кроме того, докладчик включился в обсуждение проблемы, сформулированной в выступлении Э.Ю. Соловьева, отметив, что в условиях идеологического и политического постмодерна рациональная «контридеологическая» установка, на которой сконцентрировал внимание Э.Ю. Соловьев, дополняется работой с коллективным бессознательным, массовой психопатологией и прежде всего с эпидемиями политического нарциссизма — девиации XXI века и всей постсовременности. При этом сама идеология нарциссична по своей природе — как отдельный типаж идеального. Наряду с дефицитом рефлексии и самокритики она генетически воспроизводит всю симптоматику НРЛ: концентрация на собственном отражении с отрывом от реальности, фиксация на завышенной самооценке, культ грандиозности и всемогущества «негабаритного Эго», ноль эмпатии и глухота к другому с болезненной реакцией на обесценивание и критику. Точно так же оценка идеологии как «ложного сознания» не отменяет специфического конструктива идеологии как механизма компенсации, психологических и ментальных защит, консолидации, мобилизации и пр., включая программирование и проектность. Редукция проблемы к политически заряженной критике идеологии скрывает реальные причины её живучести, неизбежно наталкиваясь на «непредвиденное», но естественное и часто непреодолимое сопротивление материала. В этом плане «большая», в том числе макрополитическая идеология воспроизводится, как в монаде, в механизмах индивидуального сознания и психики, также работающих на легитимацию самости, защиту от обесценивания, рационализацию установок и пр. Индивид может выступать идеологом для самого себя в том числе в производстве «ложного сознания». Такой подход является законным продолжением идеи аутокоммуникации: возможность «внутреннего диалога» уже предполагает присутствие «внутренней идеологии».

А.А. Кара-Мурза обратился к историческому опыту существования идеологии в России. Он отметил, что все идеологии в России (будь то славянофильская, либерально-буржуазная или коммунистическая) развиваются в логике одного алгоритма — деградации, вырождения положительной, благородной идеи в репрессивную идеологию. Задаваясь вопросом, как и почему это происходит, докладчик подчеркнул, что репрессия не является атрибутом идеологии. Скорее то некоторая самостоятельная сущность, которая в определенный момент спаривается с идеологией. И далее А.А. Кара-Мурза привел в пример рассказ С.Л. Франка о соседе по дому, который в 1904 г. участвовал в еврейских погромах, в 1914 г. громил немцев, поскольку началась Первая мировая война, а в октябре 1917 г. записался в ЧК, ходил с маузером и расстреливал буржуев. Для докладчика очевидно, что не стоит питать какие-либо

иллюзии относительно деидеологизации в современной России. Правда, у действующей ныне репрессивной идеологии есть и ограничители, в том числе почти фарсовые, которые, хочется надеяться, не приведут к тотальному идеологическому террору. В действительности, между философией и идеологией нет разрыва, все это части общественного сознания. Философии всегда имеют автора, а идеологии — нет, будучи анонимными сгустками массового сознания (корпоративного, локального). Чтобы доказать этот тезис, А.А. Кара-Мурза обратился к русской философии конца XIX — начала XX в., которая пыталась разминировать проблему репрессивности идеологии. С помощью имеющегося в ее арсенале аналитического аппарата она способна развенчивать идеологические смыслы и ставить препоны на пути превращения в репрессивную идеологию. Первый, кто провел большую работу в этом плане, был В.С. Соловьев, проанализировавший деградацию славянофильства. Он показал, как либеральную оппозиционную идеологию времен И.С. Аксакова, А.С. Хомякова узурпировали люди, которые использовали превращенную форму славянофильства как идеологическую дубину (М.Н. Катков, в еще большей степени К.П. Победоносцев). Против славянофильства начала работать левая идея, которая, как совершенно справедливо отметил В.М. Межуев, родилась из гуманизма. Но со временем произошла мутация, когда она сама стала чрезвычайно репрессивной. Это в разное время с разных сторон, в том числе на своей судьбе показали Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун, переместившиеся с левого фланга сначала в центр, а потом в лагерь либеральных консерваторов. В заключение, докладчик отметил, что историческая ситуация идеологизации славянофильства сегодня повторяется. В 1998 г. либеральную идею начали вколачивать в мозги те, кто учил у нас научному коммунизму. И, как следствие, мы оказываемся свидетелями того нонсенса и фарса, когда официальная, антиконституционная идеология сечет собственную культуру, занимается разборками, хотя в стране хватает варварства. С тем, что надо любить свою страну, помнить о победах, никто не спорит, но имеет смысл прислушаться к словам П.Б. Струве: «Истинный патриотизм — либерализм». Либерализм — кощеева игла современного режима. Толерантность отличает настоящий либерализм, который боится провала в тоталитарные тенденции, от вырождения идеологии в тоталитарную.

Тему социально-исторических предпосылок идеологии, ее исторического опыта существования как социального феномена продолжила О.Ю. Малинова. Если В.М. Межуев рассуждает с позиции рационального должностовования, отвечая на вопрос «Чем должна быть идеология?», то ее интересует противоположный процесс: каким образом в европейской политической традиции складывались идеологии в виде «измов», систем идей, имеющих не только философское основание, но и политическую значимость. На примере истории британского либерализма она показала, что либерализм — продукт исторической констелляции и в качестве системы может быть воспринят лишь ретроспективно. Косвенным подтверждением этого может служить то, что названия основных «измов» появились и получили современный смысл значительно позже того времени, когда, по нашим представлениям, уже обрела вполне отчетливые, «классические» черты та или иная доктрина. При исследовании идеологии, с точки зрения О.Ю. Малиновой, необходимо иметь в виду, что идеи, которые принято связывать с «измами», не представляют собой строго выверенной логической рациональной системы. Скорее они складываются в социальном контексте как ответ на конкретные вызовы.

Действительно, проблема производства идеологии в современной России — это не только проблема легитимных форм властвования, но и проблема несоответствия между форматом общественного запроса на системы смыслов и объективными исторически обусловленными возможностями их удовлетворения. С одной стороны, после распада Советского Союза у общества есть потребность в системном целеполагании, которая рождает потребность в «национальной идее», «духовных скрепах» и т.п. А с другой стороны, эту потребность невозможно удовлетворить в форме новой всеобъемлющей идеологии-«изма», способной заменить утраченную советскую. Мы живем в эпоху, когда констелляции исторических обстоятельств, которые способствовали

ли бы производству больших «измов», распались. Ныне много пишут о «неполных», «молекулярных», «миниидеологиях», ориентированных на конкретный набор проблем и лишенных глобальных мировоззренческих амбиций. Это связано с динамикой социальной инфраструктуры и динамикой технологии коммуникации. Распад Советского Союза совпал с эпохой распада тотальных идеологий, которые *все* объясняют. Но есть и другие факторы — возможности постсоветской элиты, которая хуже интегрирована в мировое интеллектуальное пространство, чем дореволюционная, хуже знает свою историю, хуже подготовлена, чтобы производить смыслы. Нынешняя конфигурация политической системы не создает у политических элит мотивацию на идеологическую работу. В период перестройки мы были свидетелями бума идеологического творчества, когда люди, производившие идеи, трансформировали их в политические ресурсы. Ныне ситуация иная, и точнее было бы говорить о несоответствии продуктов, представленных на рынке идей, массовому запросу.

В.А. Лекторский вывел дискуссию об идеологии на эпистемологический уровень, акцентируя внимание не на современной и исторической ситуациях существования идеологии, сколько на способах функционирования этого социального феномена в социальных системах. Он констатировал, что обществоведы в рассуждениях часто руководствуются дилеммами: идеология — наука, идеология — философия, противопоставляя то, что считают альтернативами. Однако, присмотревшись, можно заметить, что именуемое полюсами в реальности пребывает во взаимодействии. Соответственно, по мнению докладчика, необходимо переосмыслить привычные противопоставления. Конкретно, необходимо переосмыслить противопоставление знания (и науки как высшей формы знания) незнанию, лжи, обману (ведь наивно полагать, что где-то сидят злостные обманщики и дурят людей). Продуктивнее говорить о существовании специфического типа отношения к действительности наряду с познанием — проектной деятельности. Проект невозможно оценивать в категориях «истинно» или «ложно», точнее было бы говорить о большей или меньшей степени его успешности, что заранее не бывает известно. Предлагается под таким углом смотреть и на идеологию, как не только способствующую осмыслению социальной реальности, но и предоставляющую ориентиры, необходимые для социальных действий: например, оставить все как есть или изменить. Если следовать этой логике, рассуждает Лекторский, то противопоставление идеологии и утопии (как у Мангейма) не представляется обоснованным, равно как и противопоставление идеологии и науки. Долгое время считалось (так полагал и Маркс), что наука вырабатывает истинное знание: изучает факты, на их основе формулирует законы, строит теорию, объясняющую эти факты. Но в действительности наука функционирует иначе. Она развивается, когда исследователи имеют научную программу, которая основывается на том, что уже известно, и определяет, как в дальнейшем действовать. Люди, разделяющие определенную программу или парадигму, помимо прочего в нее «верят». И в этом плане в науке без «веры» не обойтись. Более того, если вслед за А.В. Рубцовым, трактовать идеологию расширительно, то можно увидеть, что и в науке есть «идеология». Таковыми можно считать, к примеру, механицизм, эмпиризм и др.

Лекторский также обратил внимание и еще на одну возможность современных интерпретаций «идеологии». В случаях, когда противопоставляются не противопоставлениями, а континуумами отношений, становится очевиднее, в сколь значительной степени философы участвовали в создании идеологий. Ведь фактически без философского обоснования нет идеологии. Либерализм разрабатывали Локк, Милль, Дьюи, Роулз, Поппер. Социализм — помимо Маркса и Энгельса Франкфуртская школа, Альтюссер, Грамши, Жижек. Выйдя за пределы логики противопоставления, делает вывод В.А. Лекторский, можно увидеть, что подобно тому, как утопии и метафизика, от которых какое-то время назад предлагали отказаться, сегодня вновь являются предметом пристального внимания, проблематичен отказ и от идеологии. Очевидно, что основные конфликты ныне смысловые, идеологические. Соответственно, стоит ставить вопрос не о конце идеологии, а о том, какая идеология нам нужна и как можно ее выработать.

Проблема демаркации философии и идеологии стала темой выступления А.Н. Архангельского. В рамках этой проблематики со всей остротой встают вопросы критики, сформулированные Э.Ю. Соловьевым. Очевидно, для того чтобы критиковать, необходимо располагаться в точке внеаходимости, однако не всегда это удается. Мы хорошо разбираемся в этих явлениях, когда рассматриваем их в чистом виде. Однако затруднительным оказывается выделение места перехода, где одно завершается и начинается другое. Так же проблематично разделение искусства и идеологии, что продемонстрировал А.В. Рубцов на примере «Черного квадрата» Малевича. Подобная неоднозначность позволяет, с одной стороны, государству претендовать на все сферы, выходящие далеко за пределы идеологического, включая философию. С другой стороны, философ может заниматься критикой идеологии, пока он находится извне, не достиг точки перехода. При этом Архангельский отдает себе отчет в том, что позиция «внеаходимости» для философа — это идеальная конструкция, своего рода «эксперимент», социальная реальность строится не на жестких противопоставлениях, но на континуальности общественных феноменов. Сегодня мы являемся свидетелями того, что закончились тотальные идеологии, основанные на ценностях и представлениях, и начались тотальные идеологии, основанные на принципах власти. Прочим идеологическим моделям отведена роль лишь инструментальных. Инструментально власть находится в противоречивом положении, поскольку, с одной стороны, не имеет никакой идеологии, кроме идеологии самой себя. А с другой стороны, она исходит из иллюзии XX в., что лучше управлять с помощью консервативных моделей. На самом деле не проще управлять с помощью таких идеологий в федеративном масштабе. Отменить идеологию невозможно. Возможна только критика ее, в том числе с позиций философии права, философии истории. Более того, можно и нужно бороться с единой идеологией как таковой, потому что за этой чертой начинается новый тоталитаризм.

Специфический — экономико-финансовый — ракурс данной темы представлен в выступлении Г.А. Тосуняна. В качестве области, где реализуются идеологические установки, он рассматривает способы регулирования рынка ценных бумаг. Занимаясь правом, прикладным правом в том числе, нельзя не заметить, как нормативные документы, регламентирующие роль и место участников рынка, фактически нацелены на отсечение игроков по капиталу, например, при допуске к конкретному сегменту рынка. Критика по данному вопросу, предложенная командой единомышленников Г.А. Тосуняна, стала центральной на прошлогоднем съезде Ассоциации российских банков. Представленный ими «Годовой доклад АРБ — 2017» явился значительным событием. Было показано, что реализуемое на практике отсечение участников банковского рынка, начиная с тех, которые имеют капитал 5 млрд, переходя к имеющим 25 млрд, наконец 250 млрд, есть не что иное, как идеология, согласно которой право на полноценное существование имеют только отвечающие определенному размеру, масштабу и имеющие административный ресурс. Возникает естественный вопрос: как может существовать общество, если главным критерием достоинства, определением, что хорошо, а что сомнительно, является исключительно размер и масштаб?! Между тем населению как потребителю банковских услуг все настойчивее дают понять (и при этом не столько прямо, сколько косвенным образом), что доверять стоит лишь банковским структурам, обладающим «безотзывными» лицензиями, а точнее, имеющим государственное участие, все остальные фактически оказываются зачисленными в разряд сомнительных. Тосунян говорит о порочности количественного, бессодержательного, подхода, который, по логике его выступления, свидетельствует о господстве идеологии также и в банковской сфере. Ведь история нам неоднократно показывала, что реализующие подобную «количественную идеологию» рано или поздно становятся жертвами системы отношений, которую некогда сами инициировали и формировали. В этой связи возникает принципиальный вопрос: приоритет материальной составляющей, которая, как известно, легко цифруется, является идеологией или нет? Если да, это идеология навязана или является следствием, как ни парадоксально это может показаться, отсутствия идеологии?

Но в таком случае, какой именно идеологии не хватает стране? Национальной идеей может быть и материальный уровень жизни людей, и уровень духовных ценностей в обществе. Военное превосходство необходимо лишь как гарантия того, что тебе кто-то извне не сможет навязать свои ценности, но не более того... Похоже, к обозначенному кругу проблем и сюжетов ныне в большей мере восприимчивы не столько в среде управленцев-экономистов и юристов, сколько, социологов, философов и психологов.

Ф.Н. Блюхер снова вернул дискуссию к философской тематике. Он попытался критически осмыслить положения, выдвинутые В.М. Межуевым. Во-первых, неверно, что наука ничего не может сказать об идеологии. Напротив, сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук уже не один год занимается разработкой научных средств анализа идеологии. Во-вторых, вызывает сомнение тезис, что в XXI в. все старые идеологии сойдут на нет и появится нечто новое. Думается, новое уже наступило. Чтобы понять эту новую действительность, Блюхер предлагает исходить из работы К. Гирца «Идеология как культурная система», где под идеологией понимается «...существующий в коммуникационном пространстве ряд мировоззренческих шаблонов, которые помогают людям совершать совместные социальные действия». Воспринимая знакомые слова, люди могут общаться, чтобы совершать совместные действия, и им не нужно тратить время на обоснование целей всей деятельности. Отсюда, кстати, можно сделать и парадоксальный вывод, что ложь не является препятствием для коммуникации (даже если все заблуждаются, то это вовсе не означает, что они не могут эффективно сотрудничать).

Ф.Н. Блюхер также не согласен с тезисом В.М. Межуева, что в России нет идеологии. Когда принимаются какие-либо политические решения, «работать» они будут в том числе и в будущем. Для этого они должны быть как-то обоснованы, чтобы быть понятными людям. При этом, апеллируя либо к «социальной справедливости», либо к «экономической эффективности», мы тем самым идеологически обосновываем решения, принятые в настоящем. Другое дело, что нужно отделять идеологию как государственный инструмент и реальную идеологию, которая существует среди людей. Здесь докладчик согласился с А.Н. Архангельским в том, что государству ныне свойственна смена объекта идеологии. Если раньше таковым могла быть просто идея «собственности», то сегодня это не просто собственность, а слияние собственности и власти. В некотором смысле это какой-то совместный объект. Нахождение при власти дает людям собственности, а наличие собственности помогает им получить власть. В заключение докладчик заметил, что современную идеологию еще нужно найти. Она не очевидна. И в этом он солидаризируется с Рубцовым, который полагает, что проблемой сегодня является именно обнаружение идеологии. Надо найти тексты, в которых идеология скрывается.

В ходе «круглого стола» особое звучание приобрела тема «Историческое сознание и идеология», которая неоднократно затрагивалась в предыдущих выступлениях, но в развернутом виде была представлена в докладе М.М. Федоровой. Она предложила с вниманием отнестись к тезису о том, что изменение в общественной реальности роли и значения идеологической компоненты обусловлено модификациями исторического сознания. При этом она предложила опираться на М. Фуко, заметившего, что отношение между историческим сознанием и политическими практиками возникает в эпоху модерна, в XVIII в. В это время юридически-правовой синтез заменяется новым – историко-политическим. На смену универсальному субъекту приходит субъект борющийся, который должен занять свое место в общественном противостоянии и определить собственное отношение, в том числе к проблеме свободы, о которой говорил В.М. Межуев. И истина этого субъекта – не истина в научном или философском понимании, а истина практического толка. Историческое сознание, которое в этот период складывается, оказывает влияние на формирование политических стратегий и идеологий. Это сознание было революционным, противопоставляло себя предыдущим эпохам, традиции. Оно было связано с идеей прогресса, магистральной для науки, политики, философии. Наконец, это сознание было проективно: будущее

воспринималось, как открытый горизонт, с которым можно было работать, меняя положение дел к лучшему. Эти черты исторического сознания — революционность, прогрессизм и проективность — возникающие из противоречий эпохи Просвещения, присутствовали в идеологии XVIII, XIX вв., первой половине XX в. Затем наблюдалось постепенное разложение и исторического сознания, и связанной с ним идеологии под влиянием кризиса коммунизма, нараставших глобальных проблем, разоблачения тоталитарных режимов.

М.М. Федорова фактически вывела проблему исторического сознания на современный политологический уровень. Сегодня в обществоведении появляется понимание, что мы живем в период вызревания нового исторического сознания, мироучувствования — презентизма. Сегодня человек стремится жить настоящим. Если в XVIII—XIX вв. жили будущим, которое можно создать, сформировать, то теперь будущее воспринимается не просто как нечто ожидаемое, а как опасаемое, как период непредвиденных рисков. Ханна Арендт назвала это «странным безвременьем». Такая новая форма историчности имеет дело не столько с будущим, сколько с прошлым. Прошлое оказывается достаточно пластичной материей, чтобы с его помощью формировать и формулировать идентичность. Параллельно наблюдается общемировая тенденция интереса к локальному, частному. Проблема истории определенной группы, страты выходит на первый план. История становится предметом манипуляции. Противоборство истории и памяти происходит по всему миру. Неудивительно поэтому, что тяга к консервативной составляющей, особенно националистического толка — удел не только нашего отечества, подобная тенденция заметна и на Западе. Нужна философская критика для определения нового положения идеологии в обществе.

Тему соотношения исторического сознания и идеологии продолжил Л.Д. Гудков, который высказал мысль о том, исторически функциональная потребность в идеологии возникает только с появлением массового общества, в ходе процессов модернизации и ломки, эрозии прежних этносословных барьеров и разграничений или в результате критических социальных изменений и трансформаций прежних институтов. В зависимости от специфики политических режимов идеологические структуры могут тяготеть к более догматическим формам, становящимся основой для репрессивной индоктринации общества, или быть принципиально плюралистическими, предлагающими более гибкий выбор и сочетание разных ценностных принципов. Вместе с тем Гудков фактически поддержал мысль А.В. Рубцова о том, что никакая идеология не является свободной от противоречий, логически строго упорядоченной и рациональной. Напротив, ее суггестивность и эффективность зависит не столько от «диалектического потенциала» самих идей, сколько от гетерогенности ее ценностно-содержательного состава, позволяющего политическим демагогам апеллировать к самым разным социальным группам, затрагивая различные социальные комплексы, травмы, идеалы, желания и упования.

В качестве примера такого типа идеологии можно рассматривать консервативную или охранительную идеологию, которая в отличие от советской идеологии ориентирована не на «светлое будущее», а на «светлое прошлое». Цельность (систематичность изложения) здесь не важна. Скрепляющей осью идеологического синтеза становится сознание национальной исключительности. По существу, идея «особого пути» воспроизводит хроническую культурную и социальную зависимость от Запада страны догоняющей модернизации.

Мысль А.В. Рубцова об иллюзорности деидеологизации близка и В.В. Миронову, который полагает, что в рамках государства всегда будут развиваться практики идеологического воздействия элитарного меньшинства на большинство населения. Поэтому сама идея деидеологизации, которая стала популярной в годы перестройки и вплоть до 2000-х гг., с самого начала также стала превращённой формой новой идеологии. Люди воспринимали саму возможность «говорить что угодно», как освобождение от навязанных идеологических стереотипов, даже не замечая порою, как это постепенно приобретает систематический идеологический характер. Постепенно реализовался иной образ идеологии — «мозаичный», в котором отсутствует стержень (типа

марксизма-ленинизма) и в её основания укладываются самые разные идеи: от мессианской роли России, до смеси православия, коммунистических и консервативных идей, перемешанных с либеральными мотивами. Удобство такой модели заключается в том, что ее вовсе не нужно закреплять какой-то статьёй конституции, более того, она легко реализуется даже в рамках статей её запрещающих.

Далее докладчик обратил внимание на изменение форм преподавания философии в новых идеологических условиях. Преподавание философии в вузах — это некий «оселок», по которому можно определить тенденции развития сферы духа в нашей стране. В 1941 г., когда роль идеологии в условиях войны была действительно востребована, в МГУ был воссоздан философский факультет. Но содержательные учебные программы этого факультета позволяли студенту изучать исторически существующие идеи. Поскольку подразумевалось, что факультет должен выпустить идеологов, некоторые степени свободы на нём были выше, чем на других факультетах. Это касалось прежде всего возможности, пусть и через спецхран, читать литературу, которая студентам других факультетов была просто недоступна. Когда власти это необходимо, она готова поддержать соответствующие образовательные структуры, которые по ее разумению в будущем будут работать на идеологию. Но одновременно философия основана на свободном мышлении, которое нельзя остановить никакими идеологическими барьерами. И тогда философия становится неудобной для власти. Её преподавание либо ограничивают, либо навязывают ей выполнение функций обоснования какой-то одной идеологии. Мысли В.В. Миронова о соотношении идеологии и философии в процессе преподавания философии оказались созвучны идеям Э.Ю. Соловьёва, рассматривающего философию как критику идеологии, как вскрытие механизмов манипулирования общественным сознанием.

Возвращаясь к центральной проблеме «круглого стола» — взаимоотношениям между идеологией и философией, А.А. Гусейнов подчеркнул, что в идеологии всегда есть нечто, в силу чего она непременно опирается в философию, а в философии, в свою очередь, есть что-то такое, благодаря чему она имеет устойчивую тенденцию трансформироваться в идеологию. Общий интерес фиксируется в форме идеи и в качестве объединяющей силы предъявляется обществу. Когда выражается мнение о готовности смириться с идеологией в случае, если она никого не поучает, стоит напомнить, что идеология как раз и ориентирована на то, чтобы учить людей, навязать им некие общие для всех идеи и ценности. Идеология по природе и своему назначению претендует на истинность и всегда навязывает себя отдельным индивидам. Как к этому ни относиться, но она действительно выступает способом стандартизации мышления в пределах сообщества и в целях его сохранения, будь то народ, государство, социальный строй. Философия, коль скоро она есть мышление в понятиях, также имеет дело с общим. Когда общее, с которым работает мыслитель, обретает самодовлеющее значение, тогда философия переходит в область идеологии. Здесь есть еще одно важное звено. Необходимо задаться вопросом, кто представляет общее, кто стоит на страже идей, может говорить от имени общего, которое каким-то образом должно быть «заземлено», должно существовать в оформленном виде. Вот здесь, по мнению А.А. Гусейнова, философ становится профессиональным идеологом. В обществе формируется идеосфера (понятие А.А. Зиновьева). В этой сфере философы наряду с учеными занимают свое определенное и, начиная с какого-то этапа интеллектуального развития общества, незаменимое место. Как любая другая сфера такого рода, она влияет на все общество, распространяется на всех людей. Как бы ни была эта сфера обособлена, она втягивает в орбиту всех людей, ее можно обнаружить везде. Далее А.А. Гусейнов сосредоточил внимание на современной идеологической ситуации, которую он охарактеризовал как борьбу различных идеологий за сферы влияния. Редко победа какой-то одной идеологии является безусловной, не всегда приобретает официально закрепленный характер. А в демократических странах идеологическая жизнь и вовсе имеет внешне плюралистическую форму, что не исключает тем не менее их идеологической целостности. Идеология прямо включена в реальный исторический процесс, в отношения различных сил, борющихся в обществе. К

тому же она не всегда имеет форму учений, часто говорит языком самой практической жизни. Поэтому, по мнению А.А. Гусейнова, правы те, кто говорит о необходимости уточнить, конкретизировать, расшифровать тезис об отказе от идеологии, ибо в прямом и серьезном смысле это невозможно. Можно даже сказать, что общество без идеологии так же невозможно, как невозможна человеческая жизнь без сознания.

Состоявшаяся дискуссия позволила увидеть, сколь динамична идеология как социальное явление. Она подвержена неустанным, значительным изменениям в исторической перспективе, что ставит под вопрос преемственность концептуального анализа, тем более при опоре исключительно на классические варианты интерпретации. Но динамична она и в своей актуальной многоликости, благодаря чему с легкостью распространяется и глубоко проникает в общественную ткань. Идеология не знает пределов в выборе масштабов от больших и очевидных «измов» до тихих в своем воздействии микропрактик. Ей дано во многом беспрепятственно преодолевать границы, за которыми она меняет знак на противоположный, превращаясь из деклараций свободы в репрессивный молот. Ее возможности никого не оставляют безразличными. Очевидным образом текучесть и континуальность идеологии требует от исследователей гибкости и открытости к многообразию взглядов, оценок и подходов в ее осмыслении. Состоявшийся обмен мнениями показал, сколь плодотворны, но и трудны попытки систематизировать и, по возможности, синтезировать резко критические, сбалансированные и позитивные оценки идеологии.

Ссылки — References in Russian

Межуев 2017 — *Межуев В.М.* Философия как идеология // *Философский журнал.* 2017. № 4. С. 172–180.

Рубцов 2018^a — *Рубцов А.В.* Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // *Вопросы философии.* 2018. № 6. С. 66–75.

Рубцов 2018^b — *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // *Вопросы философии.* 2018. № 7. С. 18–27.

Соловьев 2016 — *Соловьев Э.Ю.* Философия как критика идеологий. Часть I // *Философский журнал.* 2016. Т. 9. № 4. С. 5–17.

Соловьев 2017 — *Соловьев Э.Ю.* Философия как критика идеологий. Часть II // *Философский журнал.* 2017. Т. 10. № 3. С. 5–31.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 7. P. 207–217

Philosophy and Ideology: Illusion of the Deideologization

(Review of the “Round Table”)

Asya A. Syrodeeva

In 2016–2017 the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, organized a series of seminars devoted to ideology. Presentations by E.Yu. Soloviev ‘Philosophy as a Critique of Ideologies’, V.M. Mezhuiev ‘Philosophy as an Ideology’ and A.V. Rubtsov ‘Illusions of Deideologization. The Concept of “Diffuse” and “Penetrating” Ideology’ demonstrated how ambivalent are the relationship between philosophy and ideology. It was clear to the participants of those discussions that the tension produced by ideology is not narrow directed. Ideology easily penetrates not only into philosophy but into contemporary economy, science, education, art, mass media as well. In order to achieve the interdisciplinary understanding of ideology in its history, including reflection on the modern forms of social influence, it was decided to unite efforts of the specialists from different fields in a “round table” discussion. The idea of the discussion was to present and possibly systemize a range of conceptual and methodological approaches to overcome the narrow political understanding of ideology. The “round table” discussion held on the 1st of March, 2018 in the Institute of Philosophy showed that mobility and diversity of ideology as a social phenomenon correspond to a highly dynamic contemporary social reality. That is why it is so

important to unite efforts of the researchers from different areas of knowledge in order to prevent transformations of a relatively intelligible and open for possible interaction ideology into a purely repressive one.

KEY WORDS: ideology, consciousness, critique, politics, power, repressive, deideologization, tolerance, project, science, history, conservatism, liberalism, freedom.

SYRODEEVA Asya A. – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow, Department of Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

h.puck@mail.ru

Received at March 26, 2018.

Citation: Syrodeeva, Asya A. (2018) ‘Philosophy and Ideology: Illusion of the Deideologization (Review of the “Round Table”)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 207–217.

DOI: 10.31857/S004287440000243-2

References

Mezhuev, Vadim M. (2017) ‘Philosophy as an Ideology’, *Filosofskii Zhurnal*, 10, 4, pp. 172–180 (In Russian).

Rubtsov, Aleksander V. (2018^a) ‘Illusions of Deideologization. Between rehabilitation of the ideological and ban on nationalization of ideology’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2018), pp. 66–75 (In Russian).

Rubtsov, Aleksander V. (2018^b) ‘Transformations of Ideology. The notion of the ideological in its “widest” extension’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 18–27 (In Russian).

Soloviev, Erikh Yu. (2016) ‘Philosophy as a Critique of Ideologies’ (Part 1), *Filosofskii Zhurnal*, 9, 4, pp. 5–17 (In Russian).

Soloviev, Erikh Yu. (2017) ‘Philosophy as a Critique of Ideologies’ (Part 2), *Filosofskii Zhurnal*, 10, 3, pp. 5–31 (In Russian).